

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ В 1906—1907 гг.

А. Д. СТЕПАНСКИЙ

Изучение тактики контрреволюции в период революции 1905—1907 гг. невозможно без серьезного анализа деятельности Государственного совета, который после реформы 20 февраля 1906 г. превратился в верхнюю законодательную палату. Между тем нет работ по этому вопросу, если не считать тех двух страниц, которые А. Я. Аврех посвятил ему в одной из своих статей¹.

В настоящей статье рассматривается одна из сторон истории Государственного совета, отражающая кризис «верхов» — возникновение в нем политических группировок и их тактика в отношении Государственной думы.

* * *

Первые выборы в Государственный совет состоялись в марте — апреле 1906 г. — одновременно с выборами в I Государственную думу.

Выборы в I думу, как известно, не оправдали надежд царизма, зато выборы в Государственный совет не обманули ожиданий творцов манифеста 20 февраля. Подавляющее большинство мест здесь досталось представителям черносотенно-октябристских группировок. На крайнем левом фланге Государственного совета оказались кадеты и близкие к ним.

Большинство выборных членов Государственного совета ничем, в сущности, не отличалось от назначенных. Состав Государственного совета в целом был вполне пригоден для «исправления» неугодных царизму думских законопроектов.

Ленин подчеркивал, что «Государственный совет — вовсе не случайное политическое учреждение, а орган *класса*... Класс этот — крупные помещики»². Действительно, крупным помещикам принадлежало в Совете 74 места из 98 выборных. К крупным помещикам принадлежало и большинство назначенных членов³. И мы видим в составе Государственного совета активнейших вожakov класса помещиков.

Политическим штабом помещиков, направлявшим фактически всю политику царизма, стал возникший в мае 1906 г. Совет объединенных дворянских обществ. В первом составе этого Совета 7 членов из 13 были одновременно членами Государственного совета (Н. Ф. Касаткин —

¹ См. А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока. «Вестник Московского университета», серия ист.-филол., 1956, № 1.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 360.

³ Характеристику назначенных членов Государственного совета см. в памфлете Н. Рубакина «Архив государственной мудрости или злачное место, идеже государственные раки зимуют», СПб., 1906. Многие из назначенных членов того периода изображены на картине И. Е. Репина «Заседание Государственного совета».

Ростовский, А. А. Нарышкин, Д. А. Олсуфьев, А. И. Мосолов, О. Р. фон-Экеспарре, А. А. Чемодуров и А. Б. Нейдгардт). В Государственный совет было избрано также много предводителей дворянства.

Крупная буржуазия тоже послала в Государственный совет своих виднейших представителей. Из 12 членов Государственного совета от торговли и промышленности 8 были одновременно членами Совета съездов представителей промышленности и торговли: Н. С. Авдаков, В. И. Тимирязев, Г. А. Крестовников, П. О. Гукасов, С. П. Глезмер, Б. И. Ханенко, К. А. Ясунинский, С. М. Ротванд.

Среди назначенных членов Государственного совета был ряд активных деятелей придворной камарилы (Е. И. Алексеев, А. П. Игнатьев, Б. В. Штюрмер и др.).

Наконец, в Государственном совете были обильно представлены «сливки» русской бюрократии, о которой Ленин писал: «Особенно внушительным реакционным учреждением... является отечественная *бюрократия*, которая *de facto* и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа»⁴.

Таким образом, преобразованный Государственный совет стал собранием фактических хозяев России, крупнейшим «представительным учреждением» контрреволюционного лагеря.

Разумеется, столь влиятельные лица собрались в Государственном совете не для того, чтобы ограничиться пассивной ролью «корректировщиков» думских законопроектов. Лидеры помещиков и буржуазии стремились использовать Государственный совет, чтобы принять активное участие в выработке политики самодержавия.

В Государственном совете различные контрреволюционные группы, слабо представленные в I Государственной думе, получили удобную арену для всевозможных контактов и сделок.

Характерной чертой Государственного совета было то, что лишь не многие его члены принадлежали к определенным политическим партиям. В первую сессию в Совете насчитывалось 28 октябристов и 11 кадетов. Еще несколько человек принадлежало к различным мелким партиям (торгово-промышленной, Донской партии прогрессистов и т. п.), а также к польским реакционным партиям. Остальные члены Государственного совета формально не входили в какие-либо партийные организации (что вообще было характерно для правых).

Поэтому первая сессия преобразованного Государственного совета была временем возникновения в составе Совета политических группировок.

Торжественное открытие I Государственной думы и нового Государственного совета произошло 27 апреля 1906 г. Члены обеих палат собрались в Зимнем дворце, где выслушали напутственную речь Николая II. В тот же день состоялось первое заседание Думы. Первое заседание Государственного совета состоялось 28 апреля.

Обе палаты начали свою деятельность одинаково — подготовкой и принятием ответных адресов царю. Уже эти первые шаги выявили многие существенные черты Думы и Совета.

Руководство I Думой захватили кадеты, которые во многих случаях вели за собой более левых, но неустойчивых крестьянских депутатов (образовавших фракцию трудовиков). Адрес I Государственной думы, принятый 5 мая, был составлен на основе кадетского проекта. В адресе

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 301.

содержались пожелания амнистии, отмены смертной казни, различных свобод, решения аграрного и рабочего вопросов (в кадетском духе), создания ответственного перед Думой министерства, предоставления Думе права инициативы пересмотра основных государственных законов, ликвидации Государственного совета и т. д.

Ленин указывал, что «народные требования даже в том урезанном и кадетски-искаженном виде, в каком они вошли в адрес,— это для кадетской партии не необходимый минимум, а лишь высшая цена, которую заранее предположено было спустить»⁵. В этом можно убедиться, сравнивая адрес Думы и кадетский проект адреса Государственного Совета, внесенный 3 мая (т. е. в то время, когда в Думе уже шло обсуждение адреса).

Перед представителями помещиков кадеты выступили с гораздо более куцей программой, чем перед представителями крестьян. Проект, внесенный членом Государственного совета кадетом Д. И. Багалеем, предусматривал лишь «разрешение аграрного и рабочего вопросов», создание правительства, пользующегося доверием Думы, и амнистию⁶. Но и этот проект не имел успеха в Государственном совете.

Вопрос о содержании адреса Государственного совета обсуждался предварительно на частных совещаниях членов Совета, продолжавшихся 5 дней (28 апреля — 2 мая), а затем был вынесен на официальные заседания, где обсуждался еще 3 дня (3—5 мая).

В ходе длительных дискуссий и совещаний выявились 3 точки зрения, оформившиеся затем в 3 проекта адреса.

Наиболее «левый» проект — упомянутый кадетский — был поддержан лишь незначительным количеством членов Совета (кадетами и их единомышленниками). Основная борьба разгорелась между сторонниками остальных двух проектов — «правыми» и «центром».

Проект правых (разработанный Ф. Д. Самариным и зачитанный С. С. Гончаровым) представлял собой набор ругательств по адресу революции⁷.

Центр же считал возможным высказать некоторые либеральные пожелания, но гораздо более скромные, чем кадетские. Такими пожеланиями были «распространение начал самоуправления на местности, до сих пор его лишенные» и амнистия⁸. Но если кадеты предлагали полную политическую амнистию, то центр — амнистию лишь для тех, кто «не посягнули... на чужую жизнь и имущество и не подстрекали на это других».

В конце концов прения свелись к обсуждению вопроса об амнистии. При этом вопрос рассматривался, главным образом, с точки зрения борьбы с революцией. Противники амнистии утверждали, что освобождение большого числа политических заключенных увеличит силы революции (в подобном духе высказывались С. Ю. Витте, С. С. Гончаров, Ф. Д. Самарин). А сторонники амнистии считали, что она внесет успокоение и этим будет способствовать ослаблению революции. Так утверждали и кадеты (А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, В. И. Вернадский) и сторонники проекта центра (Д. Н. Шипов, Н. С. Таганцев).

5 мая большинством голосов был принят проект центра, но при этом правым удалось протащить поправку о распространении амнистии на лиц, «которые преступили грани закона, совершив преступление в борьбе за царя»⁹, что извращало смысл амнистии.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 118.

⁶ Текст проекта см. «Государственный совет. Стеногр. отчеты». Сессия первая, засед. 3, приложение.

⁷ Там же, засед. 3, стр. 3.

⁸ Там же, засед. 4, стр. 3—4.

⁹ Там же, засед. 4, стр. 12.

Значение прений по проектам адреса Государственного совета заключается в том, что в ходе этих прений выявились основные политические течения, имевшиеся в Совете. После 5 мая началось организационное оформление наметившихся групп.

Быстрее всех сформировался левый фланг Государственного совета, почти целиком состоявший из членов кадетской партии. Уже 6 мая на заседании ЦК кадетов «обсуждалось положение фракции Партии народной свободы в Государственном совете»¹⁰.

Во фракцию вошло 11 выборных членов (5 от науки, 5 от земств и 1 от земледельцев). Ядром фракции была «академическая группа», блиставшая громкими профессорскими именами (В. И. Вернадский, А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. И. Багалей, И. И. Боргман). Из членов фракции видное положение в кадетской партии занимал лишь один В. И. Вернадский, который и играл наиболее активную роль во фракции (наряду с Д. И. Багалеем).

К кадетам примыкали еще несколько членов Государственного совета (в том числе представитель кавказского дворянства, выдающийся грузинский поэт И. Г. Чавчавадзе). Поэтому кадетская фракция фактически превратилась в так называемую «левую группу» или «прогрессивную группу», не имевшую официальной партийной окраски хотя кадеты и составляли в ней большинство.

Деятельность этой группы в 1906 г. направлялась ЦК кадетской партии, который рассматривал вопрос о тактике в Государственном совете на заседаниях 6 и 7 мая, 21 и 26 июня¹¹. Действия кадетских членов Государственного совета — это официальная партийная линия.

А действия кадетов и в данном случае отличались от их слов. На словах кадеты резко критиковали Государственный совет за реакционность и обещали бороться с Советом изнутри. На деле же кадетские члены Государственного совета возлагали все свои надежды на сделку с черносотенным большинством Совета. С трибуны Государственного совета кадеты не разоблачали черносотенцев, а всячески «угovarивали» их. Несмотря на это, представители большинства Совета враждебно относились к своим кадетским коллегам и, по существу, третировали их.

О партиях, представленных в этом большинстве, Ленин писал, что «они стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение всей помещичьей земли»¹². В начале первой сессии некоторые члены Государственного совета выражали надежду, что в Совете не будет политической борьбы.

Однако внутри большинства Государственного совета выявились и довольно существенные разногласия, помешавшие большинству образовать единую сплоченную группу. Они касались, главным образом, путей и способов борьбы с революцией и в первую очередь отношения к Государственной думе.

13 мая 1906 г. председатель Совета министров И. Л. Горемыкин выступил в I Государственной думе с правительственным заявлением, в котором были полностью отвергнуты все пожелания, выдвинутые в думском адресе. В ответ Дума выразила недоверие правительству и потребовала его отставки. Между правительством и Думой возник открытый конфликт. В начавшихся вскоре прениях по аграрному вопросу крестьянские депутаты Думы потребовали ликвидации помещичьей собственности на землю. Стало окончательно ясно, что расчеты царизма, связанные с первой Думой, оказались ошибочными. Перед правящими кругами встал вопрос: что делать дальше?

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, л. 38.

¹¹ Там же, д. 27, лл. 65, 83, 127, 128.

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 14, стр. 109.

Крайние черносотенные элементы, стремившиеся к сохранению старого политического строя, настаивали на разгоне Думы и возвращении к политике открытых репрессий. Но многие представители правящего лагеря понимали, что полного возврата к старому быть уже не может: предстояло найти новые формы соглашения с буржуазией и обмана крестьянства.

Борьба вокруг выбора пути дальнейшей политики самодержавия проходила и внутри большинства Государственного совета и привела к разделению его на две большие группы.

Формирование основных групп Государственного совета совершилось в период между 5 мая и 22 июня 1906 г. 2 и 4 мая на квартире назначенного члена С. С. Гончарова состоялись частные совещания противников амнистии, на которых был обсужден «правый» проект адреса, внесенный затем в Государственный совет¹³. Участники этих совещаний продолжали собираться и после принятия адреса. 12 мая было решено «избрать бюро, должностующее на будущее время следить за тем, что говорят в Думе, и сообразно с этим направлять занятия группы»¹⁴. 12 мая 1906 г. можно считать днем возникновения правой группы Государственного совета.

Формальным инициатором создания группы был С. С. Гончаров. Но фактически правая группа была создана по прямому указанию придворной камарильи, возглавлявшейся Д. Ф. Треповым. Приближенные Трепова Путятин и Мосолов по его поручению вели переговоры с Гончаровым и другими членами Государственного совета. В результате этих переговоров (в которых участвовали также некоторые министры) и возникла правая группа¹⁵.

Организаторы правой группы вели активную работу по вербовке новых членов. 19 мая газета «Новое время» сообщала, что правая группа «почти сформировалась и... отлично спелась».

21 мая 1906 г. газета «Наша жизнь» опубликовала список членов правой группы (неофициальный). В нем фигурируют 32 назначенных члена и 21 выборный (в том числе 9 от дворянства и 12 от земств и землевладельцев). В газете «Народный вестник» от 31 мая 1906 г. Н. Рубакин дал социально-экономический комментарий к этому списку, показав, что все члены правой группы — крупные помещики-крепостники.

Наиболее активными деятелями правой группы были С. С. Гончаров, Ф. Д. Самарин, Н. Ф. Касаткин-Ростовский, А. С. Стишинский, П. Х. Шванебах, А. А. Нарышкин, К. И. Пален, А. А. Половцев, Я. А. Ушаков, Н. А. Зиновьев.

Правая группа не стремилась разработать официальную программу (само слово «программа» считалось в ней крамольным). Но члены группы выработали (или выявили) общие точки зрения по ряду вопросов.

Главной своей задачей правые считали противодействие Государственной думе. Многие из них мечтали вообще ликвидировать Думу, сохранив лишь Государственный совет (с выборными членами). В аграрном вопросе правые категорически отрицали какое бы то ни было отчуждение помещичьей земли. Отрицались также амнистия, свобода печати, равноправие евреев и поляков и т. д. и т. п. Характерно, что правая группа решила не проявлять в Государственном совете законодательной инициативы¹⁶. Практически «программа» правой группы сводилась к полной консервации старого социально-политического строя России.

Правая группа Государственного совета была самым тесным образом связана с Советом объединенных дворянских обществ (возникшим

¹³ Дневник А. А. Половцева. «Красный архив», т. IV, стр. 108.

¹⁴ Там же, стр. 111.

¹⁵ «Наша жизнь», 21 мая 1906 г.; «Русские ведомости», 14 и 18 мая 1906 г.

¹⁶ «Наша жизнь», 21 мая 1906 г.; «Страна», 16 мая 1906 г.

почти одновременно с ней — в конце мая 1906 г.). Из 7 членов Государственного совета, входивших и в Совет дворянский, 6 принадлежало к правой группе. Правые были близки и к правительству Горемыкина (в состав группы входили министры Стишинский и Шванебах), политику которого они поддерживали. Если «левая группа» представляла в Государственном совете линию кадетской Думы, то правые были здесь правительственной партией.

Правая группа никогда не насчитывала в своих рядах больше одной трети Государственного совета, но благодаря своим связям она пользовалась огромным влиянием в правящем лагере. В количественном же отношении правая группа составляла меньшую часть черносотенно-октябристского большинства Государственного совета. Основную его часть (свыше половины всех членов Совета) составляли элементы октябристского толка — так называемый центр.

12 мая 1906 г. «Наша жизнь» отмечала, что в Государственном совете «получилось такое положение вещей, что все, не принадлежащие к крайней с той и другой стороны, образуют особую группу, которая голосует единодушно за всякую формулу, содержащую в себе туманные попытки посягательств на либерализм». 18 мая та же газета уточнила, что «высшее проявление либерального духа здесь сосредоточивается на идеях октябристов, «учение» которых в совете считается признаком либерализма».

Если правая и левая группы сложились быстро, благодаря сравнительной четкости взглядов их членов, то организация центра оказалась более трудным делом. Об этом даже писала газета «Дума», сообщавшая, что определенные признаки консолидации центра уже наметились: 18 мая на совещании 60 членов Государственного совета было признано целесообразным организовать единую «группу центра». На этом же совещании было избрано бюро из 10 человек во главе с бывшим министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым (наиболее активным инициатором создания группы). В бюро вошли также П. Н. Трубецкой, П. Л. Корф, Н. А. Хомяков, Г. А. Крестовников, Н. С. Таганцев, М. В. Красовский, С. С. Манухин, И. А. Островский и И. О. Корвин-Милевский¹⁷.

Бюро разработало «Основные воззрения» группы центра, которые были одобрены собранием группы 9 июня. Впоследствии группа центра считала 9 июня 1906 г. датой официального конституирования группы¹⁸.

«Основные воззрения» повторяли, в сущности, главные моменты октябристской программы и были сформулированы крайне расплывчато (попытки дальнейшей конкретизации не увенчались успехом из-за многочисленных разногласий). Однако именно в силу своей расплывчатости эта программа группы центра сумела привлечь больше половины членов Государственного совета. В течение июня 1906 г. группа центра быстро росла. Сюда перешли многие члены правой группы (в последней в то время оставалось всего 20—25 человек). В архиве члена Государственного совета Э. Ю. Нольде сохранились список группы центра на 1 ноября 1907 г. и справка о членах группы, выбывших в течение 1907 г.¹⁹ Из этих документов видно, что к началу 1907 г. в группу центра входило 102 человека (из 196 членов Совета).

Значительно превосходя правую и левую группы численно, группа центра резко уступала им в монолитности, являясь по существу довольно пестрым конгломератом лиц и группировок.

В литературе уже делались попытки назвать «слагаемые» группы центра. Л. Львов указывал, что в нее входили либеральные бюрократы —

¹⁷ «Дума», 19 мая 1906 г.

¹⁸ См. «Заключения группы центра Государственного совета», СПб., 1906.

¹⁹ ЦГИА, ф. 727, оп. 2, д. 142, лл. 1—2, 10.

деятели 1860-х годов, торгово-промышленная и польская группы²⁰. А. Я. Аврех также считает, что выборная часть группы центра состояла в основном из поляков и торгово-промышленных деятелей²¹.

Но как следует из упомянутого списка, из 61 выборного члена, входившего в группу центра, лишь 14 приходится на польскую группу²² и 12 на представителей торговли и промышленности. Остальные (т. е. большинство) были, главным образом, представителями земства. Среди 41 назначенного члена группы центра было не так уж много деятелей эпохи буржуазных реформ 1860-х годов. Основное место тут занимали крупные бюрократы, расцвет карьеры которых пришелся на реакционный период конца XIX — начала XX в. Относительный (по сравнению с крайними правыми) либерализм этих бюрократов был вынужденной уступкой духу времени. Все они постоянно оглядывались на придворные сферы и боялись вызвать их неудовольствие. Пестрый состав группы центра порождал бесконечные споры в ее среде, далеко не всегда кончавшиеся согласованными решениями.

В группе центра оказалось большинство октябристов — членов Государственного совета. Среди них были видные деятели Союза 17 октября П. Л. Корф, М. В. Красовский, М. В. Родзянко, Н. С. Авдаков, Г. А. Крестовников, Н. А. Хомяков и др. Но октябристы не создали свою партийную фракцию. Причины этого заключаются в том, что, с одной стороны, октябристы разбрелись по всем группам Государственного совета (Д. А. Олсуфьев и М. Д. Ершов оказались у правых, Д. Н. Шипов примкнул к «левым»), а с другой — многие члены Совета, не входя формально в Союз 17 октября, были близки ему по духу, и октябристы не сочли нужным замыкаться в узко партийные рамки. Надо сказать, что члены Союза 17 октября фактически растворились в группе центра.

В. И. Ленин назвал группу центра Государственного совета «компанией чиновников среднего рода между черносотенцами и правопорядочниками»²³. Таким образом, Ленин считал, что равнодействующая взглядов группы центра проходит даже правее взглядов октябристов.

Действительно, поведение группы центра свидетельствует о ее тяготении вправо. По многим вопросам центр солидаризировался с правыми. Ряд членов Государственного совета кочевал из одной группы в другую (некоторые даже одновременно посещали собрания обеих групп). Лидер группы центра А. С. Ермолов однажды заявил, что он преклоняется перед правыми и их стойкостью²⁴. Рассмотрев программу центра, правые нашли, что они не могут согласиться лишь с двумя ее пунктами: о дальнейшем развитии «конституционных учреждений» и о равноправии евреев. Ввиду разногласий по этим вопросам правые решили с центром не объединяться, но по всем остальным вопросам «действовать заодно»²⁵.

Близость правых и центра определялась прежде всего тем, что и в той и в другой группах преобладали крупные помещики, интересы которых во многом совпадали. Однако в отличие от правых представители центра более или менее понимали, что полный возврат к старому невозможен, что для борьбы с революцией необходима сделка с буржуазией.

В период первой сессии для группы центра было характерно стремление к сделке с кадетской Думой. Лидер группы центра А. С. Ермо-

²⁰ Л. Львов. Звездная палата. «Минувшие дни», 1928. № 3, стр. 21—22.

²¹ А. Я. Аврех. Указ. статья, стр. 68.

²² В польскую группу входили 6 членов от землевладельцев Царства Польского и 8 членов от землевладельцев Украины, Белоруссии и Литвы, где преобладали польские помещики.

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 229.

²⁴ Л. Львов. Указ. статья, стр. 20.

²⁵ Дневник А. А. Половцева, стр. 116.

лов заявил, что центр «против всяких конфликтов с Думой, но в силу известных обстоятельств ему придется несколько умерять увлечения членов Думы»²⁶. Эти заявления выражали желание группы центра по-торговаться с Думой.

Предметом торгоа должен был стать аграрный вопрос. Группа центра отрицательно относилась к аграрным проектам, обсуждавшимся в I Государственной думе (в том числе и кадетскому). В конце мая — первой половине июня в кадетской «Думе» появилась целая серия интервью с представителями группы центра, которые решительно высказывались против принципа принудительного отчуждения земли.

Тем не менее группа центра надеялась на возможность компромисса. 24 мая «Наша жизнь» сообщала: «Центр, по-видимому, попытается выработать нечто среднее между проектом Думы и взглядом кабинета министров». 17 июля (уже после разгона I Думы) член группы центра П. А. Сабуров писал Д. А. Милютину: «Вы сомневаетесь в возможности быстро решить земельный вопрос. Я разделяю ваши сомнения; остается только надеяться, что между Гос. советом и Думой найдется средняя пропорциональная. Образовавшаяся в нашей среде партия центра уже много способствует устранению враждебных чувств между обеими палатами»²⁷.

На причины таких надежд проливает свет сообщение «Русских ведомостей» от 25 мая: «Группа центра в Государственном совете... высказывает убеждение, что сумеет работать с Думой и избежать конфликта даже в аграрном вопросе. Вывод этот основан на том, что Государственный совет убежден, что сама Дума выскажется против поголовного принудительного отчуждения земель». Очевидно, группа центра рассчитывала на то, что кадеты проведут в Думе решение аграрного вопроса, приемлемое в принципе для помещиков и могущее послужить основой для сделки.

Группа центра готовилась к совместной «органической работе» с кадетской Думой. Группа считала своей первоочередной задачей «вынести свое собственное мнение относительно тех главнейших вопросов, которые разрабатываются в настоящее время Государственной думой»²⁸. В связи с этим 31 мая были созданы комиссии по вопросу о смертной казни, по аграрному вопросу, по вопросу о расширении местного самоуправления (предполагалось также создать комиссию по промышленности и торговле)²⁹.

16 июня по настоянию представителей торговли и промышленности группа центра приняла следующую резолюцию: «...признать необходимым для Государственного совета приступить к законодательной работе по тем вопросам, по которым эта работа не возбуждена в Государственной думе...»³⁰.

Тенденция группы центра к сделке с кадетами наиболее ярко проявилась во время переговоров о создании кадетского министерства. История этих переговоров уже освещалась в советской литературе³¹. Но исследователями совершенно обойден вопрос о роли группы центра Государственного совета в намечавшейся сделке, хотя на эту роль неоднократно указывал Ленин³².

1 июня 1906 г. Ермолов обратился со следующим письмом к председателю I Государственной думы кадету С. А. Муромцеву: «Будьте

²⁶ «Биржевые ведомости», 27 июня 1906 г.

²⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 169, картон 74, № 31, л. 2.

²⁸ «Новое время», 20 мая 1906 г.

²⁹ «Наша жизнь», 1 июня 1906 г.

³⁰ «Новое время», 18 июня 1906 г.

³¹ См. Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг., М.—Л., 1939; С. М. Сидельников. Первая Государственная дума, канд. дисс., М., 1949, стр. 312—351 и др.

³² В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 229, 240.

так любезны устроить мне свидание с П. Н. Милюковым, если возможно, сегодня вечером или завтра в любое время. Я могу приехать к нему или встретиться с ним где-нибудь в другом месте, это для меня совершенно безразлично. Вы знаете, что я считаю возможным выступать кандидатом на пост председателя Совета Министров... хотел бы переговорить с г. Милюковым относительно других возможных комбинаций... выяснить себе его взгляд на образование будущего министерства. Я имел на днях продолжительный разговор с государем на эту тему и, вероятно, буду вскоре в Петергофе и еще раз»³³. Позже Муромцев писал, что он «по желанию одного из сановников, искавшего встречи с П. Н. Милюковым, устроил таковую у себя, открыв им таким образом возможность обменяться своими взглядами по вопросу о вхождении кадетов в министерство»³⁴.

Милюков в своих воспоминаниях упоминает о беседе с Ермоловым в квартире Муромцева. Милюков рассказывает: «Ермолов начал разговор с заявления, что говорит со мной «по поручению государя». В очень благодушном тоне беседа шла на общие политические темы... Очевидно, нужно было получить скорее общее впечатление о лице, нежели о политической программе. Муромцев, все время молчавший, сообщил мне потом, что впечатление было благоприятное»³⁵.

Позднейшее предположение Милюкова, что действия Ермолова были продолжением переговоров, которые незадолго до этого вел с Милюковым Д. Ф. Трепов, на наш взгляд, ошибочно.

Прежде всего Ермолов вступил в переговоры с кадетами раньше, чем Трепов, встречавшийся с Милюковым лишь в середине июня³⁶. Кроме того, имеется прямое свидетельство кадета И. В. Гессена о том, что переговоры Трепова и Ермолова «велись отдельно, независимо одни от других»³⁷. Очевидно, отражением ермоловских переговоров явилось следующее сообщение, появившееся 21 июня в «Нашей жизни»: «В течение последних дней между группой центра Государственного совета и некоторыми лидерами кадетов, по слухам, были переговоры, и в результате появился список кандидатов, уже получивший наименование «согласительного». Будущим премьер-министром газета называла А. С. Ермолова, министром торговли и промышленности — члена группы центра В. И. Тимирязева (остальные — члены Думы).

Ленин писал об этом сообщении «Нашей жизни»: «Мы должны допустить, что это правда, пока не доказано обратное, — ибо источник сведений сравнительно надежный, а факт с неизбежностью вытекает из всех предыдущих событий»³⁸.

Попытки Трепова и Ермолова, однако, не увенчались успехом, и переговоры с кадетами взял в свои руки министр внутренних дел П. А. Столыпин, с которым тесно сотрудничал министр иностранных дел А. П. Извольский.

В конце июня Столыпин и Извольский с ведома царя вели переговоры о создании коалиционного кабинета из бюрократов, членов Думы и членов Государственного совета. Во главе кабинета предполагалось поставить члена Государственного совета октябриста Д. Н. Шипова. К этим переговорам был привлечен и Ермолов. В доме Ермолова состоялись секретные совещания А. П. Извольского с членами Государственного совета, «которые предназначались для образования нового кабинета»³⁹. Эти члены, несомненно, принадлежали к группе центра.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 575, оп. 1, д. 24, л. 1. Документ поврежден.

³⁴ Там же, д. 32, л. 1.

³⁵ П. Н. Милюков. Воспоминания, Нью-Йорк, 1955, т. 1, стр. 380.

³⁶ П. Милюков. Мое свидание с генералом Треповым. «Речь», 17 февраля 1909 г.

³⁷ И. В. Гессен. В двух веках. «Архив русской революции», т. XXII, Берлин, 1937, стр. 229.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 229.

³⁹ А. П. Извольский. Воспоминания, Пг.—М., 1924, стр. 129.

Склонность центра Государственного совета к некоему компромиссу с кадетской Думой сказалась на законодательной деятельности Совета в 1906 г.

В конце июня (как раз в те дни, когда шли переговоры о кабинете Шипова) на рассмотрение Государственного совета поступили, наконец, два законопроекта из Государственной думы. Отношение Совета к этим законопроектам для многих оказалось неожиданным.

27 июня Государственный совет обсуждал законопроект об отмене смертной казни — первый (и единственный) законопроект I Государственной думы, которому удалось дойти до Государственного совета.

Не следует переоценивать прогрессивность этого внешне эффективного законопроекта. Он был выдвинут кадетами с целью ввести в «законные рамки» возмущение широких масс (в том числе левых депутатов Думы) кровавым террором царских властей. Террор можно было остановить только революционной борьбой, а кадеты стремились подменить ее словесными прениями.

Кадеты надеялись провести этот законопроект путем сделки с реакцией, в частности с большинством Государственного совета. 23 июня В. И. Вернадский писал своей жене: «Идут переговоры с отдельными лицами, и я не теряю надежды, что закон о смертной казни пройдет»⁴⁰. При этом кадеты запугивали членов Совета, утверждая, что «приговор о смертной казни может сделаться смертным приговором для самого Государственного совета»⁴¹.

В ходе прений в Государственном совете представители правой группы резко обрушились на законопроект. В речах правых звучали звериная ненависть к революции и страх перед ней. Единственное средство спасения от нее они видели в беспощадном терроре. Поэтому правые всячески восхваляли смертную казнь и категорически отвергали ее отмену. Кадеты в защиту законопроекта выставили всего лишь одного оратора. В группе центра не было единства по данному вопросу. Из выступавших членов группы 4 высказались за отмену казни и 2 против. Как и в вопросе об амнистии, противники смертной казни, кроме аргументов моральных и религиозных, упирали на то, что смертная казнь не дает должного эффекта в борьбе с революцией.

После бурных прений законопроект был сдан в комиссию, в которой 10 мест из 15 досталось представителям центра. Комиссия не успела представить свое заключение Государственному совету. По сообщениям прессы, представители центра в комиссии склонялись к компромиссу — сохранению смертной казни только для цареубийц, изменников и участников «вооруженных восстаний»⁴².

30 июня и 1 июля Государственный совет обсуждал законопроект об ассигновании средств на помощь голодающим.

Летом 1906 г. многие губернии России были охвачены голодом. Царские власти фактически не вели борьбы с голодом, расхищали ассигнованные на это средства и при этом преследовали общественные организации, пытавшиеся помочь голодающим. Царизм рассчитывал с помощью голода ослабить крестьянское движение. Но в то же время правящим кругам приходилось делать вид, что они заботятся о нуждах народа. 19 июня правительство внесло в Думу законопроект об ассигновании 50 млн руб. на оказание продовольственной и семенной помощи населению голодающих губерний (источник получения этих средств предоставлялось найти министру финансов). По словам В. И. Ленина, «ассигновка денег на помощь голодающим служит поводом к торгов-

⁴⁰ Мос. отд. Архива АН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 37, л. 79об.

⁴¹ П. Н. Миллюков. Год борьбы, СПб., 1907, стр. 505.

⁴² «Новое время», 6 июля 1906 г. и др.

ле между кадетами и правительством погромщиков, между кадетами и камарильей»⁴³.

Кадеты, с одной стороны, много кричали о недоверии правительству и внесли изменения в законопроект. Вместо 50 млн руб. ассигновали только 15 млн за счет экономии в бюджете. Но в то же время кадеты пошли на сделку с царизмом в самом главном. Они отвергли предложение трудовиков о взятии Думой в свои руки помощи голодающим и согласились оставить это дело в руках правительства. Кадеты стремились к сделке, они при этом надеялись с помощью некоторого «нажима» добиться выгодных для себя условий.

Правительство Горемыкина решило не сдаваться и добиться своего с помощью Государственного совета.

Обсуждение законопроекта в Государственном совете началось с того, что выступили один за другим председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, министр финансов В. Н. Коковцов (несколько раз), государственный контролер П. Х. Шванебах, затем главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский.

Министры усиленно нападали на Думу, особенно напирая на ее «некомпетентность», незнание финансового дела и обстановки в стране. Согласно сообщению «Нашей жизни» от 6 июля, выступления министров были сознательным шагом, направленным на то, чтобы спровоцировать конфликт между Государственной думой и Государственным советом и обвинить Думу в срыве помощи голодающим.

Правительство предложило Государственному совету принять законопроект в его первоначальном виде. Министров поддерживали правые. Однако большинство группы центра выступило против правительства. Выступившие в прениях лидеры группы А. С. Ермолов, И. О. Корвин-Милевский, М. В. Красовский, П. П. Дурново, Н. С. Таганцев подчеркивали, что любое разногласие Думы и Совета затянет оказание помощи голодающим, что может серьезно скомпрометировать Государственный совет в глазах населения. Повод для конфликта с Думой признавался неподходящим. Эти доводы подействовали, и Государственный совет 72 голосами против 47 принял законопроект в редакции Государственной думы.

Итак, произошло нечто действительно неожиданное и на первый взгляд непонятное. Государственный совет, призванный «регулировать» деятельность Государственной думы в угодном царизму духе, не выполнил свою задачу. В чем же причины этого?

С. Ю. Витте свидетельствует, что I Государственной думы «Государственный совет боялся, но в известной мере с ней считался»⁴⁴. Подобное же наблюдение, относящееся конкретно к группе центра, сделал и корреспондент «Думы»: «К Думе прислушиваются, Думу на чем свет стоит ругают, но Думы... боятся»⁴⁵. В обстановке сильного еще революционного движения многие члены Государственного совета не рисковали обострять отношения с Государственной думой, особенно в таких больших вопросах, как отмена смертной казни и помощь голодающим.

Эти члены Совета предпочитали конфликту сделку с Думой. Анализируя поведение Ермолова и других вожakov группы центра на заседаниях 30 июня и 1 июля, нельзя забывать о том, что именно в эти дни они вели закулисные переговоры с кадетами. Думские законопроекты превратились в разменную монету в готовившейся сделке. Центр Государственного совета шел навстречу кадетам, чтобы получить ответные уступки с их стороны.

Наконец, следует сказать об отношении Государственного совета к правительству Горемыкина. Если правая группа поддерживала этот

⁴³ В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 237.

⁴⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, Берлин, 1921, т. 2, стр. 396.

⁴⁵ «Дума», 24 мая 1906 г. (2 выпуск).

кабинет, то в группе центра было сильно недовольство правительством и его «недостаточно эффективными» методами борьбы с революцией. Многие представители центра считали, что Горемыкин своей откровенно черносотенной политикой опасно усиливает недовольство масс и затрудняет сделку с буржуазией. Так, 27 июня в «Биржевых ведомостях» было помещено интервью с П. Л. Корфом, который считал, что кабинет Горемыкина не находится на высоте положения. Корф предупреждал, что отношение Государственного совета к правительству должно проявиться при обсуждении законопроектов.

Лидеры группы центра стремились заменить кабинет Горемыкина коалиционным кабинетом, в котором они сами играли бы видную роль. В действиях группы центра несомненно проявилось желание «подставить ножку» правительству.

Лидерам группы центра удалось повести за собой многих колебавшихся членов Государственного совета. «Биржевые ведомости» сообщали в вечернем выпуске от 1 июля: «Среди членов Государственного совета по назначению происходили вчера частные групповые собрания по вопросу об отношении к министерству. Бюрократические элементы Совета совершенно растерялись и не знают, к какой стороне примкнуть. «Если бы была твердая уверенность, что высшая власть возьмет курс налево, то очень многие не задумались бы пойти по тому же направлению», — заявило нам одно очень заслуженное лицо...» Целый ряд таких колеблющихся решил, что правительство Горемыкина обречено, и счел за благо выступить против него.

Вот как описывает корреспондент «Русских ведомостей» обстановку заседания 1 июля (на котором происходило голосование законопроекта о помощи голодающим): «В Государственном совете сегодня отношение к министерству резко изменилось. В центре и среди правых заметна наклонность воздержаться от поддержки кабинета. Около Ермолова часто происходят совещания небольших групп. Ермолов беседует с членами-кадетами, и к нему часто примыкает бывший московский генерал-губернатор Дурново. Говорят, что Ермолов получил вполне определенное поручение и что на днях он представит свой доклад»⁴⁶.

Отношение Государственного совета к I Государственной думе, проявившееся при рассмотрении законопроектов, в сущности отразило противоречивое отношение к Думе правящего лагеря в целом. Думу ненавидели, но разогнать ее в конце июня еще боялись. Отсюда и поиски компромисса с Думой.

Обсуждение законопроектов в Государственном совете совпало с периодом наибольших колебаний в правящих кругах. Эти колебания прекратились буквально через несколько дней. В первых числах июля в Думе возник конфликт между кадетами и левым крылом. Кадеты фактически оказались в изоляции. Царизм убедился в неспособности кадетов подчинить себе революционное движение и направить его в мирное русло, в отсутствии у кадетов поддержки широких масс. Правящие круги перестали бояться кадетской Думы.

8 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена. 10 июля были приостановлены занятия Государственного совета. Роспуск I Думы был одобрен не только правой группой Государственного совета, но и большинством группы центра. В кадетской фракции не оказалось единства в отношении к роспуску Думы. 7 кадетов (В. И. Вернадский, Д. И. Багалей, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, Г. В. Выковский, Н. А. Шишков, А. В. Перелешин) 11—15 июля демонстративно вышли из Государственного совета. Восьмой — И. И. Боргман — сделал это уже 11 января 1907 г. Трое же кадетов (В. А. Кугушев, В. А. Кудрявый, Л. В. Юмашев) остались в Государственном совете.

⁴⁶ «Русские ведомости». 2 июля 1906 г.

В деятельности Государственного совета наступил перерыв, продолжавшийся до созыва II Государственной думы.

Одновременно со II Государственной думой — 20 февраля 1907 г. — открылась вторая сессия преобразованного Государственного совета. В составе Совета за период междудумья произошли незначительные изменения (были заменены отдельные члены, выбывшие по разным причинам), но к началу сессии среди членов Совета значительно усилились реакционные настроения⁴⁷. Если II Государственная дума была левее I Государственной думы, то Государственный совет во вторую сессию был правее, чем в первую.

Для II Думы характерны острые противоречия. Левое крыло проявляло большую активность (хотя часто непоследовательно). С другой стороны, активны были правые, непрерывно совершавшие провокационные выходы.

Влияние кадетов ослабело по сравнению с I Думой, но все же благодаря непоследовательности большинства левых и, в частности, оппортунизму меньшевиков кадеты в значительной степени сохранили руководящее положение в Думе.

Кадеты стремились направить II Думу по пути сотрудничества с царизмом и добивались сделки с правительством Столыпина.

Столыпин со своей стороны был не прочь договориться с кадетами. С этой целью 6 марта он выступил на заседаниях Государственной думы и Государственного совета с одинаковыми речами, содержавшими программу некоторых второстепенных реформ. Кадеты с энтузиазмом встретили эту программу. Но намечавшейся сделке помешала позиция левого крыла Думы. С первых же дней с думской трибуны раздались горячие речи против правительства и помещиков. Между царским правительством и Государственной думой вновь возник конфликт. И на сей раз в этом конфликте Государственный совет решительно встал на сторону правительства.

Важнейшей особенностью второй сессии Государственного совета было то, что роль правительственной партии в этот период перешла от правой группы к группе центра.

Политика, проводившаяся Столыпиным, соответствовала взглядам группы центра. Эта близость взглядов отчетливо выявилась еще в период междудумья на съезде группы центра, состоявшемся 8—17 октября⁴⁸. Вскоре после съезда один из лидеров группы центра М. В. Красовский заявил: «Нельзя не отметить, что кабинет П. А. Столыпина в последних своих законодательных начинаниях идет почти параллельно с высказанными пожеланиями съезда группы центра»⁴⁹. Столыпинский указ 9 ноября 1906 г. по существу совпадал с резолюцией съезда группы центра по аграрному вопросу (столыпинская аграрная политика одобрялась и большинством правых). Речь Столыпина в Государственном совете 6 марта группа центра встретила возгласами «Браво!» 31 мая «Биржевые ведомости» сообщали, что в Государственном совете «преобладает убеждение, что при современном положении в России политика П. А. Столыпина самая рациональная».

Столыпин, разумеется, охотно принял поддержку группы центра. В начале марта пресса сообщила о переговорах, которые Столыпин вел с представителями этой группы⁵⁰. Нужно сказать также, что в группу центра входил ряд министров столыпинского кабинета (В. Н. Коковцов, Б. А. Васильчиков, Д. А. Философов, П. М. Кауфман). Между правительством и группой центра было достигнуто полное взаимопони-

⁴⁷ Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 498—499.

⁴⁸ См. «Заключения группы центра Государственного совета», а также «Новое время», 9—11 октября 1906 г.

⁴⁹ «Биржевые ведомости», 2 ноября 1906 г. (веч. вып.).

⁵⁰ Там же, 7 марта 1907 г. (веч. вып.).

мание. В статье, опубликованной 19 мая 1907 г., член Государственного совета Е. Н. Трубецкой констатировал: «Центр... в сущности не что иное, как правительственная партия»⁵¹.

Но отношения группы центра и столыпинского кабинета не были союзом двух равных партнеров. Группа фактически оказалась в подчинении у правительства, стала послушным исполнителем желаний премьер-министра. С. Ю. Витте впоследствии назвал группу центра «столыпинскими угодниками»⁵². Подчиненное положение группы центра проявилось прежде всего в том, что группа по существу отказалась от собственной законодательной инициативы и ограничилась поддержкой законопроектов, разработанных министрами.

За всю сессию группа центра выдвинула лишь один законопроект о реформе I департамента Сената, но, когда правительство высказалось против этого законопроекта, многие члены группы центра убоялись собственной «смелости» и проголосовали против, в результате чего законопроект был провален. К концу сессии группа центра совершенно утратила активность. 26 мая «Новое время» писало: «За последнее время среди группы центра замечается упадок энергии и охлаждение к работе». Таким образом, превращение группы центра в правительственную партию сопровождалось внутренним ослаблением этой группы, хотя она неизменно поддерживалась и «левыми».

В то же время в период сессии произошло значительное усиление правой группы Государственного совета. В отчете о первом заседании второй сессии корреспондент «Биржевых ведомостей» замечал: «Общее впечатление дает основание судить, что вся правая, которая в прошлом году проявляла очень мало активности, в настоящее время тесно сплотилась и, по-видимому, готовится к энергичному проявлению своей воли»⁵³.

Собрания правой группы стали более многочисленными. На них появлялись и некоторые члены группы центра. На заседаниях Государственного совета правые значительно усилили свою активность.

Правые отрицательно отнеслись к столыпинской программе, провозглашенной 6 марта, усмотрев в ней, по выражению П. А. Сабурова, «слишком много уступок думским программам»⁵⁴. Еще 25 февраля 1907 г. А. А. Нарышкин и А. С. Стишинский по поручению правой группы Государственного совета посетили Столыпина, чтобы выразить недовольство правительственным законопроектом о реформе местного управления⁵⁵. Позднее правая группа составила проект критики этого законопроекта, доложенный 12 апреля на заседании Совета объединенных дворянских обществ⁵⁶.

8 мая лидеры правой группы обсуждали вопрос «о необходимости более активного воздействия на политику правительства»⁵⁷.

В самом начале сессии правая группа предприняла открытое нападение на правительство, внеся в Государственный совет запрос о студенческих беспорядках, в котором правительство обвинялось в недостаточно энергичной борьбе с революционным движением. Правительству пришлось обратиться к помощи группы центра, которая провалила запрос (на заседании 10 марта).

За спиной правой группы стоял Совет объединенных дворянских обществ, фактически направлявший ее действия.

⁵¹ «Московский еженедельник», 1907, № 19, стр. 7.

⁵² С. Ю. Витте. Указ. соч., т. 2, стр. 58.

⁵³ «Биржевые ведомости», 21 февраля 1907 г.

⁵⁴ Отдел рукописей ГБИЛ, ф. 169, картон 74, № 32, письмо П. А. Сабурова Д. А. Милютину от 19 марта 1907 г., л. 1.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 76, л. 90.

⁵⁶ Там же, д. 77, л. 1.

⁵⁷ «Биржевые ведомости», 9 мая 1907 г.

В нападениях правых на правительство Столыпина отразилась та борьба официального (кабинет министров) и закулисного (придворная камарилья) правительств, о которой Ленин писал: «Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров»⁵⁸.

Столыпинскому кабинету и группе центра приходилось весьма считаться с правой группой, наиболее полно выражавшей волю объединенных дворян и царского двора. Несмотря на то, что правая группа не располагала численным большинством в Государственном совете и не являлась правительственной партией, она все больше и больше задавала тон в Совете. Характерно, что, когда 31 марта 1907 г. умер председатель Государственного совета Э. В. Фриш (не входивший ни в какие группы), на его место 10 апреля был назначен М. Г. Акимов — активный участник правой группы, беззастенчиво использовавший свой пост в групповых интересах правых. Правая группа сыграла активную роль в провале законопроекта о реформе I департамента Сената.

Но стычки между правой группой и группой центра, между правыми и правительством носили, в сущности, частный характер. Во второй половине сессии, когда окончательно выяснилось, что «сработаться» со II Думой не удастся, и правительство стало активно готовиться к разгону Думы, в Государственном совете произошла фактическая консолидация правых и центра на почве борьбы с Думой.

На заседаниях 19 апреля, 2 и 30 мая Совет единогласно принял три законопроекта, исходивших от правительства (2 законопроекта о помощи голодающим и 1 — о контингенте новобранцев), и громадным большинством голосов отклонил единственный дошедший до него законопроект II Государственной думы — об отмене военно-полевых судов. 14 марта также громадным большинством голосов был снят с обсуждения Государственного совета оставшийся от I сессии законопроект об отмене смертной казни, так как разработавшая его I Дума была распущена.

Еще со времен I Думы многие члены как правой группы, так и группы центра высказывались в пользу изменения избирательного закона. В секретных заседаниях Совета Министров, обсуждавших план третьеиюньского переворота, принимали участие члены Государственного совета М. Г. Акимов, А. Г. Булыгин, И. Л. Горемыкин (правые) и А. С. Ермолов (центр)⁵⁹. Сам третьеиюньский переворот был одобрен и правой группой и группой центра.

Третьеиюньский переворот не затронул Государственного совета. Совет был лишь вновь распущен на каникулы (последнее заседание второй сессии состоялось 5 июня). Государственный совет вступил в период третьеиюньской монархии в том виде, который он приобрел в итоге первых двух сессий.

Подведем итоги.

В результате реформы 20 февраля 1906 г. Государственный совет превратился в собрание влиятельных представителей контрреволюционных классов и групп, поддержка которых была необходима царизму в борьбе с революцией. Большинство мест (и решающее влияние) в Государственном совете принадлежало помещичьему классу. В то же время в Совет были допущены представители крупной буржуазии, получившие здесь обширные возможности для заключения сделок и блоков с помещиками и царизмом.

Реформированный Государственный совет с самого начала стал важным политическим центром контрреволюционного лагеря, одним из

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 140—141.

⁵⁹ П. Х. Шванебах. Записки сановника. «Голос минувшего», 1918, № 1—3, стр. 136.

органов, вырабатывавших политический курс самодержавия, ареной борьбы различных группировок правящих классов за власть и влияние. Роль Государственного совета проявлялась прежде всего в его взаимоотношениях с Государственной думой, но нельзя сводить значение Совета лишь к функциям корректировщика законопроектов. Государственный совет был учреждением, имевшим вполне самостоятельное значение. Протекавший в 1906—1907 гг. процесс внутреннего становления реформированного Государственного совета был частью общего процесса становления третьеиюньской монархии.

Важнейшим итогом первых двух сессий нового Государственного совета было возникновение в его составе политических группировок, отразившее кристаллизацию различных направлений в контрреволюционном лагере. Формирование политических группировок в Государственном совете в 1906—1907 гг. фактически явилось этапом в создании третьедумского блока помещичьих и буржуазных партий. Взаимоотношения, складывавшиеся между правой группой и группой центра, между группой центра и «левыми» Государственного совета, в сущности были прообразом взаимоотношений двух большинств III Государственной думы.